

ЕВГЕНИЯ
СЕРГИЕНКО

ИЗНАНКА

16+

Евгения Сергеевна Сергиенко

Изнанка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43640231

SelfPub; 2020

Аннотация

Мрачная история о любви и выборе погружает в атмосферу городского гетто, обнажает тёмные углы человеческих жизней и пронзает реальность сюжета тонкой мистической линией. Читается на одном дыхании.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 5	48
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

В сентябрьских лужах отражается город, который я ненавижу. Не хочу видеть его отражение и злобно опускаю ботинки в воду, растапывая нечеткие изображения. Ноги давно стали мокрыми, от холода я не чувствую пальцев, но это волнует меньше всего.

Холодный ветер нагло лезет под одежду, заставляя идти еще быстрее и запрещая отвлекаться. Каждый шаг болью отдается в висках.

Стараясь не отставать, сын семенит рядом.

Люди, погруженные в свои мысли, несутся навстречу, то и дело врезаясь в нас и чуть не сбивая с ног. Они нас даже не замечают, словно мы невидимки, призранные и недостойные внимания.

Мне не нравятся эти люди. Все до одного. Откормленные, жадные, злые. Занятые только собственными мыслями и собственным эгоизмом.

Я не люблю, когда меня касаются, пусть даже случайно.

Не важно, кто ты, женщина или мужчина, нельзя забывать про дистанцию, даже на улице. Даже в толпе. Вышел из дома – возьми с собой чувство такта.

Мы идём всё быстрее.

Темнота подкрадывается короткими и тихими шагами. Минуту назад она была за спиной, а сейчас уже на два шага

впереди.

Холод дружит с темнотой.

От беспрестанного ветра меня начинает трясти. Зубы стучат, глаза слезятся, остатки туши безнадежно размазались по щекам, а впереди еще целый квартал.

Поток людей нескончаем. Так много глаз, рук, голосов, но все они чужие настолько, что хочется повыше поднять воротник и, оградившись, бежать мимо них в сторону своего нового пристанища.

Что происходит внутри меня? Страх, ненависть и обида, взявшись за руки, без остановки выплясывают дикие танцы уже много-много дней. И только один человек наполняет моё существованием смыслом, а сердце теплотой. Любимый сын. Мой Лука. Единственная ценность.

Крепко сжимая мою ладонь, он уверенно шагает рядом навстречу неутихающему ветру.

– Мам, нам еще далеко идти? – спрашивает он.

– Нет родной, немножко осталось.

Неожиданно за нашими спинами раздается глубокий раскат грома. Гроза неуместна в конце сентября, но из прорвавшегося неба высыпаются холодные тяжелые капли. Когда-то я видела точно такой же дождь...

Память, откликнувшись, без разрешения запускает перед моим внутренним взором жестокую, потрепанную временем ленту из выцветших картинок.

Пять лет назад, с полупустой спортивной сумкой через

плечо и еще совсем крошечным Лукой на руках, я последний раз перешагнула порог когда-то родной квартиры.

Была поздняя осень. От матери разило спиртом. Она не смогла толком объяснить, почему единственная дочь стала для нее обузой, но очередной материн любовник был более многословен и метко пошутил про аллергию на детский крик.

Я не хотела уходить, но оставаться тоже не хотела.

Тот вечер врезался в память, оставив в душе разодранную обидой рану, не затянувшуюся до сих пор.

Я помню все, до мелочей. Помню, как тикали старенькие часы над трюмо, как внезапно испортилась погода, и в квартире с перегоревшими лампами стало еще темнее, чем обычно. Помню неприятный, мутный взгляд матери и то, как крепко я прижимала сына к груди, пряча его личико от такой чужой родной женщины.

Мне больно помнить об этом, но забыть уже невозможно.

«Ты взрослая, школу закончила, и восемнадцать есть», — единственное, что она сказала на прощанье, хлопнув меня по плечу и «заботливо» распахнув дверь.

Глядя в пустые, утратившие мысли глаза, я вдруг захотела не просто уйти, а сломя голову убежать как можно дальше. Больше не видеть этого лица, сменить фамилию и город, навсегда исчезнуть и никогда о себе не напоминать.

Спустя время я поняла, что это был не минутный порыв, а моё первое взрослое решение. Цельное и твердое. Очень

быстро воплотившееся в жизнь.

В тот вечер ливень начался, как только мы с Лукой оказались на улице. Мне было страшно и холодно, но сын удивительно сильно радовался дождю. Он подставлял розовое личико летящим навстречу каплям и заливался веселым смехом при виде молний. Тогда я впервые осознала, что держу на руках настоящего мужчину – и страх ушел, испугавшись смеха моего ребенка.

Вот и теперь Лука, предвкушая очередную молнию, указывает пальцем в сторону высоких домов на другой стороне улицы.

– Какой красивый дождь, мам! Посмотри, сейчас опять ударит.

Бояться грозы он так и не научился.

– Ба-бах! Раз, два! Смотри, мам, какие огромные молнии!

Остановившись у пешеходного перехода, я перевожу взгляд от красного человечка на табло светофора в направлении, указанном детской рукой.

Два огненно-желтых разряда вспыхивают в небе, озаряя его опасным светом, и исчезают в вечерней темноте.

Напуганные непогодой люди выглядывают из-под зонтов. Я и сама невольно вжимаю голову в плечи, и только мой промокший до нитки сын так и подпрыгивает на месте, обращая к небу горящий взгляд. Зеленый сигнал светофора оживляет застывшую на несколько минут толпу, и мы тоже прибавляем шаг.

Почти пришли. Тротуар сужается, уходя в сторону от проспекта, и нас встречает не самый благополучный район города. Где-то здесь, среди грязных дворов, прячется дом номер двенадцать – бывшее общежитие, пережиток советского времени.

Щурясь от летящего в лицо мокрого ветра, я вглядываюсь в номера домов, пытаюсь сориентироваться. Здания с номерами шесть и восемь больше похожи на заброшенные бараки, и только дешёвые занавески на окнах говорят о том, что внутри все-таки есть жизнь.

Спешу отвести взгляд от печальных окон, но и остальной ландшафт тоже не отличается изяществом.

Мы шагаем мимо детского сада с обшарпанными стенами, мимо огромных переполненных мусорных баков, мимо сложенных деревьев, открытых канализационных люков посреди дороги и маленького убогого магазина. Под его козырьком я замечаю старенькую бабулю крошечного роста.

Прячась от дождя, она прижимает к груди раскладной стул и небольшое ведерко с клюквой. Одета в серое поношенное пальто, сутулая, абсолютно седая, она – первый человек, которого я вижу на этой забытой богом улице.

Вода плотной стеной стекает с крыши магазина прямо перед ее лицом. Наверное, бабуля хотела продать ягоду, но погода внесла коррективы.

Всё в моей груди сжимается, а в горле встаёт ком.

Совсем недавно я так же стояла напротив супермаркета,

разложив на прилавке из двух стульев свои книги и школьные учебники. Нас с Лукой мучил голод. А сытые и занятые люди проносились мимо, брезгливо отворачивая головы, словно я могу заразить их нуждой.

Я застываю напротив старушки и запускаю мокрую руку в карман, сгребая монеты в горсть.

– Сколько стоит?

– Что говоришь, милая? – распахнув по-детски удивленные глаза, старушка подаётся вперёд, чуть не уронив ведро.

– Почему, говорю, ягода, бабуль?

– Ой, милая, да беги ты домой, вон мальчишку застудишь, я продам, у самой, наверное, последнее.

Неужели наша бедность так бросается в глаза?

Сын недовольно переминается с ноги на ногу, но молчит.

– Вот, бабуль, пятидесяти хватит?

Покачав головой, женщина неуверенно забирает деньги и аккуратно пересыпает ягоду в прозрачный мешочек.

– Спасибо, милая!

Лука нетерпеливо тянет меня за руку, и мы почти бежим, перепрыгивая через лужи и пряча лица от ветра.

Дом номер двенадцать лучше предыдущих строений, но намного хуже того, что я себе представляла. Хотя за смешную сумму, указанную в объявлении хозяйкой комнаты, ни на что другое и рассчитывать не стоило.

В унылую пятиэтажку совсем не хочется заходить, но выбора у нас нет. Изуродованное временем крыльцо напоминает пандус, каменные ступени сточились в одно целое.

Преодолев их в один прыжок, мы оказываемся у распахнутой настежь двери в подъезд и, оставив позади ледяной дождь, попадаем в тугую и пугающую темноту.

– Мам, я ничего не вижу, куда идти-то? – тихо спрашивает Лука.

– Подожди, родной, сейчас разберемся.

Расстегнув сумку, пытаюсь на ощупь найти мобильник.

– Не торопись, мам, здесь хотя бы сухо и тепло.

Мой любимый оптимист даже в непросветной тьме найдет повод для маленькой радости.

– Тебе не страшно?

Мне приходится отпустить руку сына. Да где же этот чертов телефон!

– Нет, мам, а тебе? – бодро отвечает сын.

А мне страшно. Но в этом нельзя признаваться ребенку.

Проигнорировав его вопрос, я, наконец, вынимаю старенький мобильник и, включив экран, пытаюсь осветить пространство вокруг нас. Дом начинает нравиться мне еще меньше.

Стены исписаны ругательствами, а прямо над нами нависает разбитая лампа и торчит кусок провода. Длинный, широкий коридор усеян дверьми. Озираясь, я замечаю впереди узкую лестницу на следующий этаж и, взяв руку сына, быст-

ро шагаю к ней.

В свои пять он уже немного умеет читать, и я спешу уйти, чтобы Лука не успел сложить буквы в слова.

Второй этаж не кажется таким мрачным. Одинокая лампа без плафона тускло освещает еще один длинный коридор.

Пробегаюсь взглядом по номерам квартир. Нужная, оказывается, как раз напротив лестничного пролета.

Выкрашенная в ядовито-зеленый цвет дверь встречает меня с вызовом, словно хочет сказать, что я здесь далеко не первый и уж точно не последний квартирант. Но времени размышлять о прошлых жильцах совсем нет.

Постучавшись, я толкаю дверь, и мы входим в свое новое жилище.

– Ну наконец то! Уже решила, что вы передумали.

Женщина предпенсионного возраста сидит в старом продавленном кресле, вальяжно закинув одну толстую ногу на другую.

Без особых на то причин эта дама моментально вызывает во мне отвращение. Одетая в вычурно-яркий балахон и обвешанная золотыми цацками, как новогодняя елка, она окидывает нас оценивающим взглядом и, презрительно поджав губы, наконец встречается со мной глазами.

– Мы спешили как могли, там сильный ливень.

К горлу подкрадывается тошнота. Здесь ужасно пахнет едкой химией.

Озираясь по сторонам, пытаюсь найти причину, но не на-

хожу ничего, что могло бы походить на источник запаха.

– Значит, так, возиться с вами нет времени! – дама с трудом поднимается из кресла и, не меняя выражения лица, принимается знакомить нас с пространством. – Ванная общая с соседями, в конце коридора. А здесь холодильник, маленький, но морозит хорошо, стол шатается, ножку сама подопрешь, у телевизора отходит антенна, будет рябить, примотай покрепче изолянт. На кухне чайник и три чашки, смотри не разбей, у меня все посчитано. Диван старый, но крепкий, раскладывается в кровать. Но если будешь мужиков водить, сильно не скачите. Сломаешь – возьму с тебя за него десять штук.

– Я не вожу мужиков, – холодно говорю я.

Вот почему эта особа сразу пришлась мне не по нутру. Ненавижу хамство. Чувствую его за версту.

– Лесбиянка, что ли? Да ладно?! А такая симпатичная! – нарисованные брови хозяйки комнаты подскакивают высоко на лоб. Похоже, она забыла, что я пришла сюда с сыном!

– Нет. Просто не вожу.

С выдохом к женщине возвращается обычное выражение лица.

– Ладно, дело твое. И вот еще, шторы береги, они дороже, чем все ваше шмотье! Ой, кстати, а где вещи-то?

– Завтра привезу.

Поджав губы и недоверчиво прищулив глаза, дама впивается в меня взглядом.

– Слушай, милочка, ты мне сказала, что кантоваться совсем негде. Выпросила отсрочку оплаты, ребенка приплела, на жалость надавила, а выходит...

– Мы жили у моей двоюродной тетки, – перебиваю женщину, не дав ей высказаться. – Она умерла, квартира в центре – осталась. Родственников набежала целая стая, а мы, понятное дело, не самые близкие.

– Ясно, – закатив глаза, она жестом обрывает меня. – Значит, деньги отдашь через пару дней, но сразу за два месяца! За пацаном следи, сломает что – будешь платить.

Осмотревшись еще раз и взяв со стола бесформенную сумку, больше похожую на мешок с лямкой, хозяйка делает шаг в сторону двери.

– Подождите, а чем здесь пахнет? – спрашиваю я.

– А-а, это? Соседи снизу травили клопов, отраву насыпали за плинтус, а там сырость от подвала. Вот и пошла вонь. А сделать ничего нельзя, только полы перестилать, да и запах уже въелся.

Я округляю глаза:

– Здесь же находиться невозможно!

Присев на край дивана, Лука, не раздеваясь, прячет нос в воротник куртки.

– Проветривайте! – заключает дама и, всучив мне ключ, не прощаясь, перешагивает порог.

Несколько минут мы с сыном смотрим друг на друга, слушая тяжелые шаги на лестнице и пытаюсь понять, как жить

в этой комнате, больше похожей на конуру.

Почувствовав мою растерянность, Лука широко улыбается и раскидывает руки в стороны, изображая простор, но тут же снова, морщась, прячет нос в воротник.

Я печально вздыхаю.

Маленькая комната, мрачная и тесная, старый телевизор идёт с помехами, деревянная рама окна пожелтела от времени, с потолка свисает провод с лампочкой без плафона.

Чтобы проветрить помещение в такую погоду, достаточно открыть окно на несколько минут.

Прохлада моментально заполняет все пространство.

Выбирая между отвратительным запахом и холодом, мы с сыном остановились на холоде.

Щелкнув выключателем, зажигаю лампу, и комната наполняется теплым светом. Первый намек на уют.

Положив наши мокрые куртки на батарею, Лука, забравшись с ногами на диван, с интересом переключает каналы.

– Мам, да здесь десять программ! Почти кабельное!

Набросив плед на плечи сына, закрываю окно и, заваривая чай в маленьком, потрескавшемся от времени чайнике, успокаиваю себя тем, что всё не так уж и плохо. Комната пригодна для жилья, район не самый криминальный, да и запах, надеюсь, со временем выветрится.

Если постараться и найти вторую работу, мы сможем присмотреть себе приличное пристанище уже через пару месяцев. В центре города цены на комнаты в разы больше, чем

на окраинах, о новостройках я не смею даже мечтать, но и в спальных районах есть приличные дома. Не то, что этот.

Сделав глубокий вдох, я пытаюсь уловить остатки запаха, но или воздух стал чище, или мой нос уже предательски привык к неудобству.

– Спасибо, мам! – протягивая руку к чашке, сын приподнимает край пледа, приглашая меня войти в свой теплый мир.

– Тебе здесь не нравится, правда? – забравшись с ногами на диван, прижимаюсь плечом к его спине.

– Нормально. – Не отрываясь от телевизора, Лука громко отхлебывает чай.

– Это вынужденный шаг, милый. Придется немного потерпеть. Мы обязательно переедем отсюда в другое место.

Рассматривая большие пионы на обоях, пытаюсь вспомнить, сколько денег у нас в запасе. В кармане джинсов не больше сотни, в куртке мелочь, в кошельке не осталось ни копеечки...

Пионы потеряли цвет и потускнели от времени. Можно только догадываться, как это место выглядело много лет назад. Видимо, молодая хозяйка, когда выбирала обои, покупала мебель, была счастлива. А теперь серые цветы смотрятся печально, хочется взять краски и добавить цвета. Наверное, эти обои старше меня. Полоски отходят друг от друга в местах стыков, обнажая бетонную стену.

Я вспоминаю надменный взгляд хозяйки квартиры, и мне

становится не по себе. Любила ли она? А её?..

Время беспощадно не только к обоям.

Уже не первый раз жизнь заставляет меня приходить туда, куда совсем не хочется, и общаться с по-настоящему мерзкими людьми.

Как бы я хотела иметь свой дом.

Глава 2

– Доброе утро, девочки, – хватая ртом воздух, влетаю в знакомые двери.

Теперь добираться на работу не так просто, а тратить деньги на транспорт – непозволительная роскошь.

Слома голову я бежала пять кварталов, лишь бы не опоздать в магазин в первый день рабочей недели.

– Ты что, бегом бежала? – оторвавшись от прилавка, коллеги с укором смотрят на мои джинсы.

Обе девушки, как всегда, одеты в идеально выглаженные белые блузки и короткие черные юбки, подчеркивающие всё что можно и что нельзя.

Я опускаю взгляд на свои джинсы. Вот блин, всё в грязи, чёртовы лужи!

– Сегодня забирала вещи из квартиры, в которой жила с тёткой, потом Лука знакомился с новой группой в детском саду, а я разговаривала с воспитателем. Задержалась, пришлось бежать. Есть салфетка? – я вопросительно смотрю на них.

– Нет, нету, – быстро отвечает Оля и, отвернувшись от меня, подходит к стеллажам.

– И у меня нету, все закончились до одной, – пожимает плечами Лена и утыкается в рабочий компьютер.

Как же, закончились!.. Эти выскочки вечно отфутболива-

ют любые, даже самые простые мои просьбы!

Уже полгода я работаю в магазине одежды, а если точнее – в модном бутике. Его хозяйка с моей теткой имели свои счёты, поэтому я смогла устроиться сюда без опыта и образования. Зарплаты нам с Лукой хватает на кое-какую одежду и еду, на этом плюсы моего рабочего места заканчиваются, и начинаются минусы.

Зарплата невелика, а вместо коллектива в магазине собран настоящий террариум, коллеги только и ждут подходящего повода, чтобы побольнее ужалить друг друга или меня. Чаще всего меня. Я дико раздражаю их тем, что позволяю себе роскошь ни с кем близко не общаться и держаться особняком – все эти месяцы.

Хозяйка магазина Эльвира Каримовна – белокурая, пышногрудая женщина в годах, которую не интересует ничего, кроме новых нарядов и отдыха за границей. Каждый раз, приходя за выручкой в мою смену, она не упускает возможности сделать прилюдное замечание касательно моего внешнего вида. Больше всего она хочет, чтобы я одевалась как все сотрудницы бутика: очень короткие юбки, каблуки, декольте, и в дополнение походка от бедра. Но я, несмотря на ее предпочтения, надеваю скромные брюки и рубашки – они соответствуют дресс-коду, прописанному в договоре, так что повода уволить меня у неё нет. И это ещё больше бесит коллег.

Переодевшись и встав за прилавок, я бросаю взгляд на ча-

сы. Девять ноль-ноль.

– Ты знаешь, что премию в этом месяце дадут только мне? – ехидно спрашивает у меня Ольга, снимая с двери магазина табличку «закрыто».

– Это ещё почему?

Теперь, когда нужно тратить деньги на съемную квартиру, без ежемесячной премии мы с сыном не сможем свести концы с концами.

– Вы не выполнили план продаж! – гордо отвечает Ольга, изящно указав тонким пальцем на меня, а потом на Лену.

– Какой ещё план? – в недоумении спрашиваю я.

– А вот! – продолжает она. – Нужно на собрания ходить, тогда будешь в курсе всех новшеств.

Точно! Собрание!

От досады мои пальцы сжимаются в кулаки.

Пока мы с сыном носились по городу в поиске хоть какого-нибудь жилья, Эльвира Каримовна проводила собрание среди сотрудников, о котором я совершенно забыла!

Тяжело вздохнув, закрываю лицо руками. Как же так...

Если даже Ольга ткнула меня носом в прогул такого ответственного мероприятия, страшно представить, какой выговор сделает мне сама Эльвира Каримовна! Ну а о премии в этом месяце, уж точно, можно забыть.

– Ты что там, плачешь? – захихикав, спрашивает Ольга.

«Не дождётесь», – думаю я про себя, ничего не ответив вслух.

Витрина бутика оживает, когда на нее опускаются яркие солнечные лучи. Наряды на манекенах становятся выразительнее, ткани светятся.

Восход берет начало за зданием магазина, а вернее, за старинным пятиэтажным домом на красной линии города. Хитрая солнечная геометрия завораживает: свет проникает сюда не сразу, а только после того, как солнце набирает достаточную высоту, его лучи падают на окна дома по ту сторону улицы и, отразившись, добиваются до нашей витрины. Свет бьет в глаза всем, кто в этот час спешит по главному проспекту города. Люди щурятся, опускают глаза, прячутся за темными очками и прибавляют шаг.

Мне нравится смотреть, как утро тормозит людей и заставляет их бегать туда-сюда.

В утренние часы на работе всегда спокойно, покупателей нет, и я люблю, налив чашку кофе, поудобнее устроиться на небольшом диванчике в холле и наблюдать за городской суетой по ту сторону стекла. Эти волшебные минуты помогают ненадолго погрузиться в приятное спокойствие, которого мне не хватает.

Коллеги считают меня странной.

Пока я наслаждаюсь утром, они сплетничают, перебивают друг друга кости и обсуждают парней.

Когда тетка была жива, она всегда нелестно отзывалась о бутике. Говорила, что нельзя тратить столько времени на

то, чтобы просто сидеть на одном месте и продавать людям наряды. Её отношение к моей работе задевало, но, несмотря на это, в глубине души я всегда соглашалась с ней.

Да, можно проводить время с куда большей пользой, но пока это единственная работа, на которую меня приняли.

Все мои собеседования проходили одинаково печально. Достаточно было сказать о том, что у меня нет специального образования, нужных навыков и опыта работы, а плюсом имеется маленький сын – и фраза «извините, вы нам не подходите» повторялась из раза в раз.

О том, как я пыталась устроиться хоть куда-то и жила в скитаниях по негостеприимным родственникам первые два года жизни Луки, страшно вспоминать. Не раз мне приходилось просить милостыню, укрываться от пьяных драк, сбежать от приставаний и питаться объедками, чтобы хоть как-то существовать.

Тетка появилась в нашей жизни как добрая фея. Мне до сих пор кажется чудом то, что она сама нашла меня и предложила переехать к себе, ничего не прося взамен. Её небольшой пенсии хватало на жизнь, но, пользуясь возможностью оставлять Луку под присмотром, я быстро устроилась уборщицей и несколько часов в день тратила на единственный посильный для меня заработок – мытьё полов.

Тётке не нравилось такое занятие. Она всеми силами прививала мне вкус к прекрасному и аристократичные манеры, но ни денег, ни времени на получение полноценного обра-

зования у нас не было, и она беспрерывно искала возможность пристроить меня на сносную работу через знакомых, обилию которых можно было только позавидовать. Тридцать лет работы завучем в школе не прошли даром и, как только мать одного из теткинских учеников открыла свой бутик, меня приняли на работу быстро и без лишних вопросов.

Сегодняшний день тянется невыносимо долго.

Обычно меня спасают от скуки задания Эльвиры Каримовны, которая любит звонить по сто раз на дню и раздавать указания. Но сегодня рабочий телефон молчит как рыба, а я занимаюсь бесполезными делами – поправляю платья и юбки на вешалках, перекладываю с места на места шарфики и головные уборы, протираю без того чистые зеркала.

Интересно, как там Лука? Первый день в новом детском саду – это серьезно.

– Хватит ерундой заниматься, попей с нами чай, – голос Оли отвлекает меня от мыслей. Расправляя на вешалке плечики белоснежной блузки, я бросаю взгляд на улицу. Уже темнеет. Какой отвратительный и бесполезный день.

– Спасибо, не хочу, – быстро отвечаю я и смотрю на часы. Пять вечера, уже пора бежать.

Оставив витрину в покое, я возвращаюсь за прилавок, ставлю роспись в тетради учёта, несколько раз пройдясь пальцами по клавиатуре, закрываю свою рабочую смену, затем, взяв чашку из-под кофе, направляюсь в подсобку, что-

бы ополоснуть её ещё раз и убрать в шкаф.

– Не рановато собираешься? – Ольга недовольно цокает языком. – Мы работаем до семи, а ты всегда сматываешься раньше.

– Детский сад закрывается в шесть, без пятнадцати нужно быть там, – коротко отвечаю я, не меняя направления.

– Но ты всегда уходила позже, – не унимается Ольга.

– Раньше садик был ближе, – парирую я, заворачивая в подсобку.

И чего она прицепилась?

– Знаешь что! – тут же сзади раздаются торопливые шаги. – Твой ребенок – это твоя проблема! – догнав меня, Ольга застывает в дверях подсобки.

– Конечно, моя, я же не заставляю тебя его забирать, – отвечаю я резко.

Ругаться нет никакого желания, но, похоже, без этого не обойтись.

Ольга снова цокает, вцепившись в меня глазами.

Ополаскивая кружку под струёй теплой воды, чувствую её ядовитый взгляд.

– Оставь остроумие при себе. Ты ничем не лучше нас, и работать должна как все!

– Это не тебе решать, – убрав кружку в шкаф, я опускаюсь на неудобный, маленький стул и, сбросив рабочие туфли, надеваю свои кеды.

– А вот и мне! – говорит Ольга, повысив голос.

В её ледяном тоне проскальзывают ноты злорадства.

Не понимая, в чём дело, я поднимаю на неё глаза.

– На последнем собрании меня повысили в должности!

Теперь я здесь главная и никуда тебя не отпускаю!

От неожиданности я замираю.

Нет! Только не сейчас!

Эльвира Каримовна не раз говорила, что не успевает всё контролировать и хочет оставить в магазине за старшую одну из нас. Но почему именно Ольгу?! Только этого мне не хватало! Она настоящая мегера, за время работы в бутике у меня было больше всего стычек именно с ней.

Несколько секунд я сижу с раскрытым ртом. Потом прихожу в себя, мой мозг включается и начитает лихорадочно думать, что делать.

Наблюдя за моей реакцией, Оля надменно поднимает бровь и, опершись о дверной косяк, ждёт реакции.

На языке крутится только брань... Она специально молчала о повышении весь день! Ждала вечера, чтобы застать меня врасплох!

– Послушай, Оль, – говорю я, оценив ситуацию. – Раз ты теперь главная, постарайся войти в моё положение. Кроме меня, сына некому забирать из сада, давай я буду уходить раньше, но и приходить буду тоже раньше.

Но Оля словно ждала этого предложения. Задрав нос, она продолжает говорить громко и холодно.

– Нет! Утром здесь делать нечего, а вот вечером работа

есть всегда.

– Что-то сегодня нет работы... – замечаю я.

– Сегодня понедельник, самый спокойный день.

– У нас всю неделю такие дни, – говорю я, закинув одну ногу на другую, чтобы завязать шнурки.

На работу меня приняла Эльвира Каримовна. И то, что Ольга теперь начальник, ничего не меняет, хотя мне и требуется время, чтобы переварить эту информацию и понять, какими могут быть последствия.

– Ты! Никуда! Не пойдёшь! – говорит Ольга с вызовом.

Я завязываю шнурки, поднимаюсь и делаю шаг навстречу.

– Давай не будем ругаться, я договорилась о сокращенном рабочем дне с Эльвирой Каримовной, ещё когда устраивалась на работу.

Хмыкнув, Ольга поджимает губы и отходит в сторону, уступая мне дорогу.

– Я не буду настаивать, лучше меня о правилах и рабочем времени тебе расскажут штрафы.

Остановившись, резко поворачиваюсь к ней лицом.

– Ты собралась выписывать мне штрафы?!

Ольга коротко кивает, глядя мне в глаза.

Сделав глубокий вдох, пытаюсь усмирить злость.

– Послушай, наша зарплата и так невелика, и...

– Тогда слушайся меня и работай как все! – перебивает меня она и, отвернувшись, первой выходит из подсобки в холл.

– Но я не могу! Ты же знаешь! – я следую за ней.

Лена с удивлением и любопытством выглядывает из-за стойки ресепшен. В магазине по-прежнему пусто.

– Знаю, – громко говорит Ольга. – Но всегда есть выход!

– Какой? Как мне выбрать между зарплатой и сыном?! – не сдержавшись, я повышаю тон.

– Это твои проблемы! Не нравится, ищи другую работу!

Эта фраза бьёт в грудь, и я встаю как вкопанная посреди холла.

Ах, вот оно что! Вот к чему она ведёт! Ольге никогда не нравилось работать со мной, а сейчас у неё появились полномочия, чтобы изменить это обстоятельство.

Я перевожу дыхание.

Перспектива остаться без работы выбивает из колеи. В памяти проносится тяжёлое время скитаний и поиска заработка. Случись это сейчас, нам нечем будет платить за квартиру, нечего будет есть. Тётка умерла, а вновь соваться к родственникам мне попросту страшно.

– За что ты на меня так взъелась? – тихо говорю я, обдумав её слова.

– Взъелась? Конечно, взъелась! Ты с самого начала на особых условиях! Прикрываясь ребёнком, работаешь по пятидневке, да ещё и до шести часов! – глядя на меня, Оля начинает говорить громче и размахивать руками. – Аванс берешь не один раз в месяц, а два! Это же просто наглость! Считаешь, что все тебе должны?! Какого чёрта ты такая осо-

бенная?!

Я смотрю на неё во все глаза, пытаюсь понять, как до взрослой и, как мне казалось, умной девушки не доходит, что у меня нет никого кроме сына, и помощи ждать неоткуда.

Перевожу взгляд с её краснеющего лица на часы над стойкой ресепшен. Полшестого.

Стиснув зубы, Ольга ждёт ответа. Но продолжать нет смысла.

Закинув сумку на плечо, я разворачиваюсь и шагаю к двери.

– Всем до завтра.

Махнув рукой, выхожу из магазина и, едва шагнув с крыльца на тротуар, наступаю в здоровенную лужу.

– Я с тобой не договорила!.. – раздаётся за спиной Ольгин крик.

– Завтра договоришь, – бормочу себе под нос, шаркая мокрыми кедами по асфальту.

Предчувствие подсказывает, что завтра будет тяжёлый день.

Глава 3

– А ещё там интересные игрушки есть. Рыбки, например. У них на спинах магниты, и такие специальные удочки, тоже с магнитами, чтобы этих рыбок ловить. Представляешь, мам? Я весь день сегодня играл – даже устал!

Сын тараторит без умолку. Новый сад пришелся ему по душе.

Почти не слушая его, я продолжаю думать о работе, не справляясь со стаями дурных мыслей и предчувствий.

На улице почти совсем стемнело, но немного света ещё падает на лестничную площадку через разбитое окно, сверкающее острыми стёклами в центре коридора. Пробираясь по мрачной общаге, мы несколько раз спотыкаемся о пустые бутылки.

Поместив ключ в замочную скважину, я делаю два поворота, вхожу в квартиру и пошатываюсь от невыносимого запаха.

Лука останавливает свой рассказ и, скривившись, закрывает нос рукой.

Сбросив кеды, подбегаю к окну и быстро распахиваю его. Свежий, холодный воздух моментально наполняет квартиру.

Нет! Это просто невыносимо!

Ярость и тошнота растут одинаково быстро.

Где источник этой адской вонь?! Неужели кто-то из сосе-

дей смог довести своё жилище до такого состояния?

Быстро провожу ладонью по голове сына. Стараюсь сделать прикосновение ласковым. Рука не слушается.

– Милый, я вернусь через пару минут, раздевайся, мой руки и разложи мокрые вещи на батарею.

Сын встревожено поднимает глаза, но, встретив мой полный гнева взгляд, коротко кивает, развязывает шнурки ботинок, снимает куртку и, не переодеваясь, забирается под одеяло.

«Интересно посмотреть в глаза жильцам снизу!»

Бегом слетаю вниз по лестнице.

«Что за люди там живут!»

На первом этаже полумрак.

«Устроили в доме хлев, а мы должны задыхаться!»

Быстро нахожу комнату, расположенную под нашей, и с силой стучу кулаком в дверь.

Тишина.

Переминаясь, ищу глазами кнопку дверного звонка, но её нигде нет.

Серая, исписанная дверь остаётся запертой.

Стучу снова.

«А что если здесь живут преступники или алкоголики? В таком доме можно ожидать чего угодно!»

В голову влетает разумная мысль, но тут же исчезает под натиском злости.

Жду несколько секунд и стучу опять. Ярость нарастает как снежный ком.

«А если здесь вообще никто не живёт? Мы что, так и будем задыхаться от невыносимой вони?!»

– Открывайте! – пнув ногой по двери, я чувствую, как сердце с силой бьёт по грудной клетке. – Быстро! Пока я не выломала дверь!

В эту секунду я готова наброситься на того, кто находится внутри. Даже если это верзила ростом до потолка! Даже если их десять! Сейчас я ничего и никого не боюсь!

За дверью раздаётся шорох. Потом странный гул. Потом тяжелые и неестественно медленные шаги.

Сведя плечи и сжав пальцы в кулаки, я опираюсь на правую ногу и смотрю на дверь исподлобья, как хищник, готовый напасть на добычу или как стоящий на старте и не имеющий права на поражение участник марафона.

Шаги останавливаются совсем близко. Дверная ручка вздрагивает, раздаётся глухой щелчок, и дверь распахивается так быстро и резко, словно с той стороны её тоже пнули.

На пороге появляется высокий тощий человек.

Моя злость исчезает сразу. На её место встаёт странный, почти мистический страх.

Этот человек похож на ходячий труп или на зомби из страшных фильмов. Сутулый, очень бледный, с пустыми раскосыми глазами чёрного цвета и короткими, зализанны-

ми назад волосами. Вытянутое лицо неизвестной мне национальности не выражает никаких эмоций, а синие, сжатые в тонкую нить губы делают его злым.

Очень отдалённо человек напоминает живого мужчину.

– Ты кто на хрен такая?! – шипит он сквозь зубы, сводит брови вместе, и чёрные глаза становятся узкими.

Я хочу ответить, но, бросив взгляд за его спину, теряю все приготовленные слова.

Маленькая комната мрачная как кротовья нора, стены неравномерно чёрные, словно здесь был пожар. Повсюду висят оторванные клочки обоев и отбрасывают уродливые тени на стены. Одна половина окна раскрыта, вторая разбита и замотана чем-то прозрачным. Углы под потолком заросли паутиной, и даже с такого расстояния мне видны черные точки – застрявшие в паутине тела мух. Но самое странное и пугающее здесь – это огромная гора мусора, наваленная прямо посередине комнаты. Возможно, запах исходит именно она?

– Кто такая ты?! – рявкает человек, и его глаза вспыхивают яростью.

– Я соседка, – выдавливаю из себя. – Сверху.

– И чё?! – только сейчас я замечаю, что он стоит передо мной в потёртом трико и растянутой майке, несмотря на то, что в открытое окно задувает ледяной ветер.

– У нас запах...

– И чё? – мой визит ему явно не по душе.

– Вам нужно сделать у себя... э-э... уборку.

– А мне и так нормально, – отвечает человек, и уголки его рта едва заметно приподнимаются, делая лицо ещё более устрашающим.

Решая, что ещё сказать, я мнусь на месте. Смелость, с которой я стучала в дверь, испарилась, словно её и не было. Вдыхая холодный воздух, всё сильнее ощущаю едкий запах и чувствую, как секунда тянется за секундой, а слова все не приходят.

Раскосые глаза смотрят с вызовом – две бездны, в которых едва различимы зрачки.

Вдруг одна яркая мысль вспыхивает в сознании – да с ним же что-то не так! Нужно уходить отсюда! Быстрее!

– Извините... – пробормотав себе под нос, делаю шаг в сторону от дверного проёма. – Лучше я пойду.

Но тут, не меняясь в лице, человек, резко подавшись вперёд, обхватывает моё запястье ледяной рукой.

Дернувшись, пытаюсь освободиться. Что он делает?!

С силой вырываю руку, но он намного сильнее меня и держит словно клещами.

В его глазах вижу своё отражение – искажённое ужасом лицо.

Ещё одно резкое движение. Человек тянет меня на себя. Хочет затащить в свою комнату!

От боли вскрикиваю. Но, похоже, этого никто не слышит!

Упираясь всем телом, пытаюсь высвободить руку. Но моих сил недостаточно. Хочу закричать снова, но звук застре-

вает в горле.

Ещё рывок.

Быстро оглянувшись по сторонам, человек перетаскивает меня через порог и толкает в комнату, а сам остается стоять у двери, улыбаясь ненормальной улыбкой.

Я едва удерживаюсь на ногах и, попятившись к окну, столбенею от страха посреди тёмной, заваленной хламом и пропитанной вонью комнаты.

– Что вам нужно?! – голос возвращается ко мне.

– Воняет, говоришь? – человек смотрит исподлобья.

Оглядываюсь на окно. Открыта только одна створка, но она слишком узкая, я не смогу выпрыгнуть и убежать!

– Да, запах неприятный.

Стараюсь говорить спокойно. Где-то слышала, что с сумасшедшими нельзя быть злой и резкой. Неизвестно, как они поведут себя в ответ.

– Не-при-ят-ный, – скривившись, он повторяет за мной это слово, растягивая каждую гласную. – А мне неприятно, что в дверь ломятся тощие девки и указывают, что делать! Нам здесь хорошо! Нечего здесь шариться!

«Нам?» Быстро озираюсь по сторонам. Он что, не один здесь?

– Что ты зыркаешь?! – рывкнув, человек делает шаг вперёд. – Не надо тут всё рассматривать!

Вздвогнув, я отступаю назад и, споткнувшись обо что-то, едва не падаю на кучу мусора. Кажется, она состоит только из

тряпок – рваных, грязных и старых вещей. Отпрянув, хватаюсь рукой за стену. Кусок оторванных обоев, шелохнувшись под пальцами, отходит ещё сильнее и из-под него выбегает насекомое жуткого вида – многолапая тварь размером с палец. Сколопендра!

Взвизгнув, отшатываюсь назад, снова спотыкаюсь, хватаюсь за подоконник и замечаю, что пол в комнате застелен досками, неровно приколоченными друг к другу, каждая выше или ниже другой. Выглядит это так, словно доски многократно отрывали и прибивали снова.

Человек закрывает дверь и шагает на меня.

– Не приближайтесь! – крик вырывается раньше, чем я успеваю решить, что делать. – Не трогайте меня!

Ужас ледяной волной прокатывается по затылку, спине и пояснице.

Медленными шагами человек идёт вперёд.

Даже в темноте я вижу, как каждая жила на худом теле напрягается, делая его сильнее.

Я не успею убежать, не успею выбраться в окно! Он будет быстрее, что бы я ни сделала!

Вдруг рядом со мной раздаётся удар, а затем треск, словно что-то массивное упало на карниз по ту сторону окна, и он сломался, не выдержав тяжести.

Уставившись на открытую оконную створку, человек замирает.

Один страх сменяет другой.

Поворачиваю голову на звук, и тут мимо меня молнией проносится нечто чёрное огромных размеров. Оно похоже на облако копоты, на грозовую тучу или на призрака из самой преисподней.

Ахнув, вжимаюсь в стену.

Выпучив безумные глаза человек, падает на пол и обхватывает голову руками.

Нечто делает круг по комнате, садится сверху на кучу грязного тряпья и пронзает пространство громким криком:

– К-а-а-а-р!

От шока не могу ни закричать, ни пошевелиться.

Прямо передо мной сидит огромный черный ворон! Тёмно-серые лапы с длинными когтями, громадный, изогнутый клюв, атласные перья и жёлтые блестящие бусины глаз.

Птица похожа на тех, что рисовали в учебниках по истории, когда речь шла о крепости Тауэр. Но размер! Неужели такое бывает в природе!

Сидя на куче хлама, ворон почти достаёт до потолка!

– К-а-а-а-р! – раздаётся ещё раз.

Человек на полу скрючивается и начинает стонать.

Взмахнув крыльями, ворон чуть приподнимается над кучей и снова садится.

Этот взмах занимает полкомнаты и, окатив меня холодной волной воздуха, возвращает к чувствам.

Нужно бежать!

Быстро бросаю взгляд на птицу, затем на человека, сры-

ваюсь с места и за долю секунды достигаю двери. Толкаю её изо всех сил. Вырываюсь в подъезд. Не оглядываясь, взлетаю по лестнице на второй этаж и не успеваю опомниться, как оказываюсь в нашей с Лукой комнате.

Заперев дверь, сажусь на пол у порога и пытаюсь отдышаться.

Сын спит на диване у стены, натянув плед по самый нос. Слава Богу, что он не испугался, не потерял меня и не отправился на поиски.

Сейчас, при свете лампы, замечая, что мои дрожащие руки покрыты чёрной сажой и, кажется, вся одежда пропиталась зловонием.

Что это было? Сумасшедший сосед, огромная птица, заваленное хламом жилище...

Всё тело трясёт. Никогда раньше я не видела подобного. И чего хотел от меня человек? В его чёрных глазах не было похоти. Было что-то другое, неизвестное мне до сегодняшнего дня.

И ворон? Откуда в городе такие огромные птицы? Почему дикий ворон не боится людей? А может быть, он не дикий?

Тяжело вздохнув, опять чувствую, как запах встаёт поперек горла. Становится дурно.

Окно приоткрыто, но этого недостаточно. Нужно что-то делать, и от мысли об этом становится ещё хуже – похоже, мне ещё не раз придётся встретиться с соседом снизу.

Глава 4

– Извини. Но тебе лучше уволиться.

Я неподвижно стою несколько секунд, пока смысл сказанного окончательно просачивается внутрь и оседает в голове, делая её тяжёлой.

Не могу пошевелиться. Не могу выдать из себя ни одного слова.

Сидя в кресле для гостей посреди бутика, Эльвира Каримовна, поджав губы, пробегает по мне оценивающим взглядом и быстро отводит глаза. Ольга стоит, облокотившись о ресепшен и, постукивая каблуком, смотрит на меня. На её лице угадывается намёк на улыбку.

Я хочу спросить, в чём дело? Что могло произойти за одну ночь?! Но во рту пересохло, а от обиды сердце застучало так сильно, что больно дышать.

Мне кажется, этот стук слышен всем.

– Дорогая, постарайся не расстраиваться, теперь у тебя есть опыт и ты без труда найдешь новую работу, – ласковым голосом, не глядя на меня, говорит Эльвира Каримовна.

Но и она, и я понимаем, что с маленьким ребёнком сделать это будет не так просто.

Вместо того чтобы спросить, почему меня увольняют, я лишь коротко киваю.

Проходит несколько секунд тишины, после чего слово берет Ольга:

– На собрание ты не явилась, вчера ушла раньше, и недостача с прошлого месяца тоже возникла не просто так...

Недостача? Она и это приплела?! Неужели у Ольги хватает наглости подозревать меня в краже? Я вскидываю на неё полные злости глаза. В ту смену мы работали с ней! Вдвоём! Почему Эльвира Каримовна верит ей, почему она не хочет помочь мне?

Но спорить и оправдываться бессмысленно, взглянув на начальницу, я понимаю, что решение уже принято.

– Милая, я помню, что обещала твоей тётке обеспечить тебя работой, и я сдержала слово, – масляным голосом говорит она. – Ты славно трудилась в бутике всё это время. Поверь, её кончина никак не связана с моим решением.

– А с чем связана? – тихо спрашиваю я.

– С тем, что ты с самого начала не вписываешься сюда, – встревает Ольга. – Посмотри на себя! На свой вид. Ты на средний-то класс не тянешь, не то что на премиум! И ещё эта недостача...

– Я ничего не брала! Всегда работала честно! – не выдержав клеветы, повышаю голос.

– Так откуда же она взялась?! – не унимается Ольга.

– Девочки, прекратите! – выпрямившись в кресле, Эльвира Каримовна разводит руки в стороны ладонями вперед, призывая нас замолчать. – Причина увольнения в том, что график бутика никогда не подходил тебе, и работа с клиентами тебе тоже не нравилась. – Начальница делает паузу и

первый раз за все время смотрит мне в глаза. – Поэтому на должность продавца мы нашли нового, более подходящего сотрудника.

От этих слов я отшатываюсь, словно от пощёчины. Возмущение быстро рисует образ длинноногой пышногрудой девицы, которая не опаздывает, не отпрашивается раньше и улыбается шире ушей от перспективы работать здесь.

– Не переживай о деньгах! – поднявшись, начальница то-ропливо подходит ко мне и кладёт руку на плечо. – Положенные две недели можешь не отрабатывать, а заниматься поисками новой работы, мы выплатим тебе всю сумму за полный месяц.

Не глядя на неё, я лихорадочно думаю, что теперь делать. Куда можно устроиться и как зарабатывать на жизнь для себя и Луки.

– Ну что ж... – несколько раз легонько хлопнув меня по плечу, она подходит к ресепшен, берет одну из стоящих там папок и, достав два листка, вручает их Ольге. Очевидно, это бумаги на увольнение. – Не люблю долгие прощания. Поскольку мы во всём разобрались, я пойду. Зарплату получишь на карту, как всегда.

У меня открывается рот. Неужели это всё. Неужели, она вот так просто уйдёт?

Закинув сумочку на плечо, Эльвира Каримовна адресует мне сдержанную улыбку и говорит:

– Счастливо, девочки, нужно бежать, у меня самолёт че-

рез два часа... – как ни в чём не бывало, она перешагивает порог, оставив нас с Ольгой наедине.

– Снова летит отдыхать, – сухо говорит Ольга, протягивая мне бумаги. – А твою зарплату будут считать без нее. Имей в виду.

– Хочешь подставить меня ещё раз? – взяв ручку, я быстрым движением оставляю подпись.

– Что ты! – ехидно отвечает она. – Я тебя не подставляла, нужно было с самого начала соответствовать уровню и быть внимательнее...

Ольга окидывает взглядом бутик, затем меня, останавливает глаза на запачканных внизу джинсах.

Да. Я снова бежала, чтобы не опоздать.

Хорошо, что Лука в детском саду и не видит, в каком я состоянии. Страх хватает меня липкими пальцами за самое горло. Все это время я боялась остаться без работы и лишиться средств к существованию. Боялась так сильно, что это произошло!

Теперь, не давая мне опомниться, в душу крадётся новый страх – не найти другую работу.

Злость, обида, непонимание стоят поперек горла, и когда я набираю первый номер телефона из газеты «Вакансии», собственный голос звучит как чужой. Торопливо задаю несколько вопросов, и милый женский голос объясняет мне, что для работы оператором колл-центра нужно высшее

образование. Кладу трубку и вычеркиваю вакансию карандашом. Следующую комбинацию цифр набираю, думая о том, что я обещала хозяйке квартиры отдать деньги сразу за два месяца, рассчитывая на зарплату и небольшой аванс. Теперь взять нужную сумму негде.

– Ресторан. Слушаю, – отвечает женский голос.

– Здравствуйте, я звоню по поводу вакансии на должность бармена.

– Отлично, высшее образование и опыт у вас имеются?

– Нет... Но... Но я справлюсь! – говорю, помявшись.

– Извините, до свидания... – хмыкнув, голос прощается со мной.

– Нет, нет, подождите! – прошу я, сжимая мобильник. – Может быть, есть другие вакансии?! Любые! Мне срочно нужна работа!

– Ну... Сейчас свободно место официанта. Можете попробовать. Какие у вас внешние данные?

– Нормальные данные. А какая зарплата, какой график, – начинаю тараторить и ходить по комнате из одного угла в другой, ухватившись за первый попавшийся шанс, – и где вы находитесь, форма нужна?

– Форму мы предоставляем, зарплата зависит от количества рабочих часов, а график два на два с десяти до двенадцати.

– Два на два?... До двенадцати?... – переспрашиваю, опешив.

– Да, работа до двенадцати ночи. Потом нужно убрать оставшуюся посуду, и наш автобус развозит сотрудников по домам.

– Спасибо, но это совсем не подходит. У меня маленький сын, кроме меня его некому забирать из сада, и в выходные я работать не могу.

– Так вы ищите работу до вечера и по пятидневке? Без образования и с ребенком?.. – цокает голос.

– До свиданья, – вздыхаю я.

Дальше минуты развивают скорость. Не разрешая себе отвлекаться, я листаю газету и набираю номера на мобильном.

Один за другим незнакомые голоса приветствуют меня, перечисляют требования к соискателю и прощаются. Приветствуют и прощаются.

Я набираю номер, нажимаю зелёную кнопку, задаю вопросы и отвечаю... И тоже прощаюсь, и снова набираю номер... Меняются только цифры, а голоса сплетаются в одно безликое и бесполое лицо в моём воображении.

Темнота пробирается в комнату, когда пять из десяти листов газеты покрываются карандашными крестиками. Прошел весь день! Но я никуда не подхожу!

Взглянув на экран мобильного, замираю и оглядываюсь по сторонам. Уже пора идти в сад забирать Луку.

Отложив газету, прохожу в маленький закуток, называемый кухней, и, открыв кран, мою серые от газетных страниц пальцы. На холодильнике лежит купленная вчера половина

хлебной булки. Ещё у нас есть пакет молока и упаковка лапши.

На ужин и завтрак этого должно хватить.

На улице холодно и мерзко. Не отрывая глаз от асфальта, я шагаю, крепко сжимая руку сына. Лука весело тараторит о звёздах и луне – в саду сегодня были новые интересные занятия. Второй рукой перебираю оставшуюся в кармане мелочь. На ощупь там около пятидесяти рублей. Вчера было больше, но мы купили хлеб и молоко, теперь оставшиеся монеты – наши последние средства.

Сын говорит быстро, но я погружена в тяжёлые мысли настолько, что улавливаю смысл его слов с трудом.

Наступая в лужи, мы шагаем в сторону нашего места обитания. Луке нравится, что я не заставляю его обходить лужи, а разрешаю топтать прямо по ним, наслаждаясь разлетающимся во все стороны брызгами. А я наступаю в серую воду тяжело и озлобленно, представляя, что опускаю ботинок на лицо города.

Придя домой, я переодеваюсь, беру свои мокрые от дождя джинсы, комбинезон сына и, выйдя из комнаты, иду до конца длинного коридора в ванную, где можно всё это постирать.

Путь до ванной и обратно каждый раз заставляет съеживаться. Со всех сторон на меня смотрят обшарпанные стены, грязные потолки с паутиной и исписанные ругательствами соседские двери. Этот коридор ужасно длинный...

Ванна и туалет совмещенные, в маленьком помещении не развернуться. Но, к моей радости, на вбитых в стену гвоздях висят несколько тазов, а у раковины лежит кусок хозяйственного мыла, наверное, кто-то забыл.

Пока мои руки повторяют монотонные движения, мысли продолжают работать в одном направлении – как найти работу? Кажется, что сегодня я безуспешно обзвонила миллион вакансий, хотя на самом деле не больше сотни. Интересно, для нашего города это много или мало?

В тот момент, когда я только развернула газету, она казалась спасением, но ни продавцом, ни кассиром, ни официантом, ни администратором, ни даже горничной – меня не берут! А со дня на день хозяйка комнаты явится за деньгами.

Выжав выстиранную одежду, закидываю её на руку.

Завтра пойду искать работу в округе. В этом районе есть магазины и парикмахерские, может быть, куда-то требуется уборщица.

Погрузившись в мысли, я выхожу из ванной и неожиданно врезаюсь в тощую и голую мужскую грудь.

Едва удержав вещи, поднимаю глаза и вижу перед собой худое бледное лицо соседа снизу.

Вчерашний страх вспыхивает с новой силой.

Вскрикнув, отшатываюсь назад. Одежда чуть не падает на пол. Что он делает здесь?! Что ему нужно?! Он пришёл за мной?!

– А-ай! Чё визжишь-то?! – сморщившись, сосед прикры-

ваает уши руками.

Вытянувшись как струна, я стою не шевелясь и решаю: уже пора броситься бежать или ещё нет?

Но что-то не так. Сегодня мужчина большее похож на человека. Его кожа выглядит не такой бледной, а глаза не такими безумными, хотя стоит он босиком на грязном полу и одет в одни спортивные штаны.

Что он забыл на этом этаже?

– У вас есть свой туалет, на первом, – сухо говорю я и обхожу его, стараясь не выдать напряжения.

– Там воняет, – отвечает сосед, – а ты это... Постой!

Обернувшись, я встречаюсь с ним глазами.

– Эта птица вчера, она твоя?

«Наркоман? Алкоголик? Психопат?» – проносится в голове.

– Нет, конечно!

Что за глупый вопрос, как уличный ворон может быть моим?

Хмыкнув, сосед задумчиво облакачивается о стену.

– Знаешь. Ты какая-то странная... – говорит он, нахмурившись. Потом шагает в дверной проем и исчезает в ванной.

«Странная», – повторяю про себя и облегчённо вздыхаю.

Может быть, всё не так уж и страшно, как мне показалось вчера. Просто сумасшедший человек. Ничего особенного.

В комнате Лука уже приоткрыл окно и, натянув свитер, забрался под одеяло.

Поежившись от холода, развешиваю вещи на бельевой верёвке в кухне, быстро умываю лицо, чищу зубы и тоже ныряю под одеяло к сыну.

– Милый, ещё нет даже девяти часов, ты что, спать собрался?

– Мам, у тебя что-то случилось? – Лука поднимает на меня ясные глаза.

– Конечно, нет! Всё хорошо, дорогой.

– Мам, я знаю, что ты много стараешься для нас и много волнуешься, – сын внимательно изучает моё лицо, затем прижимается крепче. – Но всё будет хорошо мам, у нас всё наладится, и я уже почти взрослый, если что – я всегда тебе помогу!

Засмеявшись, чмокаю его в макушку.

– Конечно, – говорю радостно, – я знаю, что ты настоящий мужчина и на тебя можно положиться!

Сын, гордо улыбнувшись, переворачивается на другой бок, ко мне спиной.

– А теперь – сказка! – заявляет он.

И я, поглаживая детскую спину, сочиняя на ходу, начинаю рассказывать сказку для настоящего мужчины.

Несмотря на то, что всю жизнь я ищу возможности для заработка и кручусь как белка в колесе, каждую свободную минуту мы с Лукой проводим вместе и всегда остаёмся са-

мыми близкими на свете людьми.

Он безошибочно чувствует моё настроение, а я с полуслова угадываю все его желания. Знаю каждую привычку сына, каждый редкий каприз и знаю, что даже в самые сложные моменты, мы – настоящая семья!

Через несколько минут слышу спокойное и ровное дыхание Луки.

На мгновение отдаляюсь от него, выключаю свет и снова ложусь.

Хорошенько выспаться не мешает нам обоим.

Глава 5

– Когда я провожу кистью по холсту, это как любовь, понимаешь? Каждый оттенок передаёт чувство. Краски – как слова, а картина – она как стих, или даже целый роман! – Гордей как всегда с упоением рассказывает о своей страсти.

Я шагаю рядом.

– Понимаю, но не совсем. Это занятие отнимает всё твоё время!

Остановившись, он обвивает рукой мою талию и, притянув к себе, целует.

Я тут же забываю, о чём мы только что говорили.

– Смотри, – взяв мою руку, он проводит кончиком пальца от локтя до запястья. От нежного касания бегут мурашки. – Я твоя кисть, а ты мой холст, – остановившись у запястья, он рисует на коже невидимое сердечко. – Я рисую, а ты понимаешь.

– Понимаю, – говорю, щурясь от солнца.

– Вот видишь! – радостно восклицает Гордей. – Даже слова не нужны! Можно нарисовать все, что угодно, любое чувство, любую мысль!

– Ты закончил серию с лошадьми?

– Осталось совсем чуть-чуть... Пойдём, я тебе покажу, – потянув меня за руку, Гордей поворачивает в сторону своего дома.

– Но подожди, мне к выпускным экзаменам нужно готовиться...

– Да вон же у тебя, все книги с собой! – Гордей подкидывает в воздух мой рюкзак и снова ловит его за лямку.

– Но у тебя мне всегда сложно сосредоточиться.

– Я только покажу картины, и всё! Потом буду рисовать, а ты занимайся сколько угодно!

– Ну... Только не долго... – пытаюсь сопротивляться, но любопытство берет верх.

– Вот и отлично!

Улыбаясь, Гордей легко подхватывает меня на руки, закидывает на плечо и несколько раз поворачивается вокруг себя.

Смеясь, я болтаю ногами и пытаюсь высвободиться, но он ещё несколько секунд кружит меня и только потом опускает на землю.

В его просторной квартире всегда светло, чисто и приятно пахнет. Сбросив обувь, мы забегаем в комнату, и я замираю, увидев картины невероятной красоты. Каждая из них стоит у окна на специальной подставке – так, что солнце падает на верхний край и кажется, что изображенные там лошади вот-вот заржут и убегут прочь. Я не знаю, как он это делает, но нарисованные животные всегда выглядят точь-в-точь как живые!

Медленным шагом я подхожу к одной из картин и, немного наклонившись, начинаю изучать детали. Красивая белая

лошадь встала на дыбы. Её грива развевается на ветру. Каждая её мышца напряжена до предела. Это свободная, гордая лошадь. Через секунду она без оглядки ускачет прочь...

– Я знал, что тебе понравится именно эта картина, – тихо говорит Гордей.

Засмотревшись, я не заметила, как он подошел сзади.

– Откуда?

– Потому что она, как ты. У тебя в крови свобода и протест. У неё тоже.

– Но я не протестую... – обернувшись, я встречаю его нежный взгляд.

– Протестуешь, – теперь он говорит серьёзнее, чем раньше, – против одноклассников, против стандартов. Против своей матери.

Вздохнув, я снова поворачиваюсь к картинам.

– Они прекрасны. Будет выставка?

– Да, – присев на край кровати, Гордей приобнимает меня и усаживает на своё колено, – сейчас родители договариваются о помещении.

– Ты – настоящий талант! То, что ты делаешь, невероятно! В прошлый раз были прекрасные волки, до этого – медведи, а теперь эти лошади. Мне кажется, что каждая серия превосходит предыдущую.

Засмущавшись, Гордей опускает взгляд, а затем игриво подбрасывает меня на колене.

– Посмотрели, и хватит, тебе нужно готовиться к экземе-

нам!

Засмеявшись, поднимаюсь и выхожу в коридор, забрать рюкзак, который мы бросили у порога. Удивительно, как у Гордея хватает времени для учёбы в институте. Каждую свободную минуту он посвящает или мне, или картинам, или подготовке к выставкам. И это притом, что учится Гордей очень хорошо, почти на одни...

Резкий щелчок замка обрывает мысли.

Подняв рюкзак, вздрагиваю и оборачиваюсь к двери. Замок щелкает еще раз, дверь открывается так быстро, что я не успеваю опомниться, и на пороге появляется мама Гордея Лариса Григорьевна с полными пакетами продуктов в руках.

Она замирает, увидев меня.

Я тоже остаюсь стоять как вкопанная, и вместо приветливого «здравствуйте» выдавливаю из себя только кивок.

Осмотрев меня с ног до головы, она недовольно сводит брови.

– Гордей, дорогой, иди сюда!

– Ой, мама, ты так рано сегодня.

Выскочив в коридор, Гордей быстро целует мать в щёку.

– Да уж, хорошо, что не стала задерживаться, – строго глядя на сына, Лариса Григорьевна вручает ему пакеты. – Милый, можно тебя на кухню, на пару слов.

Оглянувшись на меня, Гордей подмигивает и кивает в сторону своей комнаты, призывая подождать там.

Его мама всегда так на меня смотрит... Словно я не чело-

век. Вот и сейчас после её взгляда больше всего мне хочется уйти, но будет невежливо сделать это прямо сейчас.

Прикрыв дверь, я проглатываю комок в горле, забираюсь на кровать Гордея и прижимаюсь ухом к стене.

С первой фразы понимаю, что разговор между матерью и сыном совсем не простой.

– ... Мама, не начинай, пожалуйста! – Гордей говорит строго и тихо, видимо, чтобы не услышала я. – Ты обещала относиться к ней нормально!

– Да о каком нормальном отношении может идти речь?! – Лариса Георгиевна не бережет мои чувства и говорит как обычно – громко. – Она каждый день здесь околачивается! Отвлекает тебя от рисования! От института...

– Мам, я сам её привел! Сам пригласил! – перебивает Гордей. – И сейчас она будет учить, а я дорабатывать картины!

– Милый, – теперь Лариса Георгиевна говорит немного тише. – Ну я же всё понимаю... Ты молодой парень, у тебя потребности. Занимайся с ней чем хочешь, а если потом сам не можешь выгнать – проси меня. Я помогу.

– Да что за бред ты несёшь! – не выдержав, Гордей начинает кричать. – Оставь нас в покое, мама!

– Ни за что! – Лариса Георгиевна тоже повышает тон. – Ты посмотри на неё! Кроме милой мордашки, ничего нет! Думаешь, она в картинах твоих что-то понимает? Да ни черта! Она к нам только поесть приходит! А мать её вечно пьяная околачивается, позор всего района!

Я отшатываюсь от стены. Внутри всё сжимается. В следующую секунду Гордей залетает в комнату и, схватив меня за руку, поднимает на ноги. Лариса Георгиевна влетает следом.

– Ты же талант, сыночек мой! Я сегодня обо всем договорила в галерее! Лучше посвети время своим работам! – она опять говорит, словно не замечая меня.

– Если ты не оставишь нас в покое, мои работы полетят в мусорный бак! – прорывав, Гордей сжимает мою ладонь, вытягивает меня в коридор, поднимает с пола рюкзак и закидывает его на плечо.

– Не смей так говорить с матерью!.. – раздается за спиной, но мы уже бежим по лестнице вниз и останавливаемся, чтобы отдышаться только на предпоследнем пролёте.

Теперь в подъезде тихо. Видимо, Лариса Георгиевна просто закрыла дверь, понимая, что сын никуда от неё не денется.

– Прости, – повернувшись ко мне, Гордей нежно касается моих губ своими.

– Привыкла уже, – я быстро отворачиваюсь.

– Прости! Прости за неё! – Гордей тянется снова, и я коротко отвечаю на его поцелуй.

– Она... – слёзы подступают. Собравшись, я стараюсь не расплакаться. – Она говорит ужасные вещи.

– Пусть! – резко отвечает он. – Ты же заешь, я по-настоящему люблю тебя! Мне плевать, что она думает!

Кажется, Гордею обидно не меньше чем мне. Стыд за мать

делает его лицо строгим и напряжённым. Мне знакомо это чувство. Но разве он виноват в том, что она позволяет себе такие мерзости?..

– Только меня? – легко улыбнувшись, я не отвожу от него глаз.

Видя мою улыбку, он облегчённо вздыхает.

– Тебя, и писать картины.

– А что больше? – я игриво наклоняю голову.

Гордей нежно улыбается и прижимает меня к себе.

– Надеюсь, что мне не придётся выбирать.

Глава 6

Подскакиваю на постели, отбросив одеяло в сторону. В груди чувствую щемящую боль. Опять эти сны о прошлом... Однажды они сведут меня с ума!

Почему они никак не перестанут мучить! Я уже давно не живу воспоминаниями, запретила себе думать о времени, которое никогда не повторится...

Но на место мыслей приходят эти ужасные сны! В них я опять оказываюсь в том, ушедшем времени, заново совершаю те же ошибки, иду по своим же следам.

Сегодняшний сон ранил меня в самое сердце. Вся в холодном поту, я даже не чувствую прохлады от раскрытого окна. Прошло уже несколько минут, а я никак не могу отдышаться.

Те дни. С ним. Они были самыми прекрасными...

Нет, я не позволю себе вспоминать. Я запрещаю себе!

Быстро встаю и закрываю окно. Отвести Луку в сад – раз, найти работу – два, избавиться от вони в квартире этого чёртового соседа снизу, пока сын не простудился – три!

Сегодня будет сложный день, но я справлюсь.

Погода с каждым днём становится хуже. Слякоть пробирается под воротник, просачивается в рукава куртки, нагло и резко бросает в лицо капли. Ещё несколько дней, и Лука

начнёт мерзнуть в осенних ботинках. Надеюсь, у осени достаточно сил, и она будет удерживать свои позиции как можно дольше.

Сегодня воспитательница спросила, внесла ли я ежемесячную оплату за сад.

Пообещав, что оплачу в ближайшие дни, я торопливо попрощалась с сыном и поспешила уйти. Нужно поскорее позвонить в бутик и спросить, когда мне начислят зарплату.

Достав телефон, набираю знакомый номер, но как только подношу телефон к уху, слышу электронное «у вас недостаточно средств».

Чёрт!

Вчера я проговорила все деньги, но так и не смогла найти работу. Вся надежда на сегодняшний день.

Отойдя от детского сада, внимательно смотрю по сторонам. В спальных районах всегда много продуктовых точек, салонов красоты и маленьких кафешек, каждая из них – мой шанс.

Первую вывеску замечаю в соседнем от садика доме. Банальное название «Орхидея» не вызывает абсолютно никаких эмоций.

Срываю с дерева красно-жёлтый лист и протираю ботинки, затем поправляю растрепавшиеся волосы, уверенным шагом поднимаюсь по ступенькам на крыльцо и открываю дверь.

– Здравствуйте, вы на процедуры? – не отрываясь от мо-

нитора, спрашивает девушка-администратор, но тут же переводит на меня взгляд и с сомнением сводит брови.

– Здравствуйте, нет. Я ищу работу, может быть, вам требуется уборщица?

– Нет, нам никто не требуется, спасибо, – быстро отвечает она и снова отворачивается.

Следующий отказ встречает меня в маленькой пекарне с торца соседнего дома. Затем в забегаловке, где тусуются местные отморозки. Потом ещё в двух салонах красоты и небольшом семейном кафе.

Видимо, к осеннему сезону все собственники тщательно готовятся и заранее подбирают персонал.

Уже не надеясь на успех, захожу в супермаркет около дома, но тоже получаю отказ.

Ну почему всё так?! Почему у меня ничего не получается?! Столько времени потрачено зря и нет никаких результатов! Я промокла, устала и практически отчаялась...

Вернувшись в общежитие, со злостью отпираю дверь, уже чувствуя зловоние. Но, дернув ручку на себя, замираю, увидев в комнате знакомую тучную женщину в золотых цацках. Закинув ногу на ногу, она сидит на диване и переключает каналы на телевизоре.

Заметив меня, хозяйка квартиры выключает телик и, не меняя выражения лица, резко спрашивает:

– Деньги где?!

– А разве уже прошла неделя?

– Неделя, не неделя... – цокает языком хозяйка. – Какая разница! Мне деньги сейчас нужны, давай хотя бы за месяц!

– Но мы договаривались через неделю и сразу за два месяца. Неделя не прошла, – я пытаюсь перечить, но понимаю, что и через пару дней мне негде будет взять нужную сумму.

– Так и скажи, что у тебя их нет! Я заходила на кухню, у вас же жрать нечего, шаром покати, вообще не крошки!

И правда... Вчера Лука доел последние макароны, а я не ела уже больше суток. Сегодня вечером нам будет нечем ужинать. Но отвечаю с вызовом:

– Мы обедаем в кафе! И это не ваше дело!

– Ах, так! – поднявшись, она подходит ко мне вплотную. – Это моё жильё и мне решать, когда тебе платить! Захочу, вышвырну прямо сейчас, останешься на улице вместе с клопышом!

– Мы договаривались, – не сдаюсь я. – Пожалуйста, подождите ещё немного.

Поджав губы, женщина топчется на месте, решая, что делать. Думаю, ей было нелегко найти жильцов, которых устроила бы такая комната.

– Ладно! Приду послезавтра! И чтобы всё до копейки отдала! Поняла?

Её неприятное лицо искажается от недовольства.

Я киваю.

Хмыкнув и задрав нос, хозяйка вальяжно берёт своё пальто и выходит из комнаты.

Несколько минут я стою не двигаясь и слушаю тяжелые шаги на лестнице.

Меня охватывает приступ злости. Она выгонит нас! Выгонит прямо на улицу, выбросит как котят и не пожалеет... В такой холод...

Опустившись на пол, обхватываю голову руками. Да, я привыкла быть сильной, привыкла сражаться за себя и за сына.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, но вместе с воздухом в грудь пробирается мерзкий запах, к которому невозможно привыкнуть!

То ли от злости, то ли от отчаянья подскакиваю на ноги и, вылетев из комнаты, несусь вниз по лестнице, перескакивая ступеньки. Я избавлюсь от этой вони во что бы то ни стало!

Исступлённо луплю кулаком и ногой в дверь соседа снизу. Пусть только попробует не открыть мне! Этот кусок картона я вышибу с нескольких ударов плечом! У меня хватит сил!

Но дверь тут же распахивается.

– Ты что?! Совсем обурела?!

Глаза мужчины круглеют от удивления, от этого худощавое лицо становится еще более длинным.

Странно, сегодня он выглядит совсем не так, как вчера.

– Дай пройти! – рычу я.

Проскользнув мимо него, я врываюсь в чёрную, заваленную хламом комнату с раскрытыми настежь окнами.

Сосед хватает меня за руку, пытается вытолкнуть из квар-

тиры и кричит в ответ:

– Уйди отсюда! Нафига припёрлась?!

Но я резко выдёргиваю руку и отбегаю в другой конец комнаты.

Не знаю, в чём причина, но сегодня сосед совсем не вызывает страха, даже наоборот, выглядит жалким и нелепым.

– Мы задыхаемся от этой грязи! – с криком я показываю на огромную кучу тряпья, которая по-прежнему возвышается на полу. – Я пришла всё здесь вычистить! Стены, пол, плинтуса! А если вы будете мне мешать, я выломаю дверь, когда вас не будет дома, и всё равно выброшу весь мусор к чертям!

Сосед удивленно поднимает брови и несколько секунд разглядывает меня с таким интересом, словно впервые видит, а затем, улыбнувшись, демонстрирует отсутствие двух передних зубов.

– А ты забавная девчонка, – говорит он и облокачивается о дверной косяк. – Ну валяй, раз так хочешь, наводи марафет. Только на вопрос один мне ответь...

Его спокойный тон возвращает меня в реальность, и гнев понемногу отступает.

– Какой? – спрашиваю я уже спокойнее.

– Этот ворон, он вернётся?

Вздохнув, качаю головой. Что-то с ним не так. Он ненормальный. Определённо.

– Я не знаю. Это не мой ворон, и я видела его впервые.

Помолчав, сосед разворачивается, выходит за дверь, а вскоре возвращается с алюминиевым ведром и серой половой тряпкой.

Поставив ведро в угол комнаты, он подходит к куче тряпья. Неровно прибитые половые доски скрипят под его ногами.

– Нам нужно начать с этого, – я встаю рядом с ним и киваю в сторону кучи.

– Я собирал эти вещи так долго... – сосед поворачивается ко мне лицом и смотрит уже совсем другим, по-детски несчастным взглядом.

– Зачем?

– Зачем! – блеснув, его глаза сужаются. – Что значит зачем?

Я невольно делаю шаг назад.

– Но... Ведь всё это уже нельзя носить...

– О-о-о... Почему же нельзя? Кое-что можно! – наклонившись, он достаёт из кучи серую тряпку, отдалённо напоминающую футболку. – Смотри, вот это... И ещё вот это...

Дальше мне демонстрируются порванные на коленях спортивные штаны, непонятного размера халат, вязаная шапка, растянутый свитер...

– Почему все это валяется в куче, на полу? – спрашиваю, наблюдая за тем, как трепетно мужчина достаёт и рассматривает каждую вещь.

– А больше негде, – он разводит руками в стороны, пока-

зывая на голые стены.

И правда, как я сразу не заметила ещё одну странность – в комнате нет абсолютно никакой мебели. Ни шкафа, ни антресоли, ни кровати, ни стола... Абсолютно ничего.

– Раньше у меня был шкаф, – продолжает сосед, – но нужны были деньги. Пришлось продать. Потом ещё кое-что пришлось продать. И ещё кое-что. И так ничего не осталось. Кроме этих вещей. Вещи никто не купил.

«Точно наркоман», – проносится в голове.

Присев на корточки, я вытаскиваю из кучи бесформенное нечто. Пустой желудок болью откликается на резкое движение.

– Вы это носите? – спрашиваю, поморщившись.

– Вот это? Не-а, – сосед качает головой. – А с тобой что?

– Да ничего. Просто я очень голодна.

Чуть оглядываюсь в сторону дверного проёма, ведущего в кухню. Кажется, там тоже нет совсем никакой мебели.

– Мне нечего тебе предложить. Еды у меня нет, – сухо говорит он.

Мне кажется очень странным жить в комнате, где нет вообще никакой мебели и еды.

Подавляя интерес, молча вытаскиваю из кучи следующую тряпку, но любопытство всё-таки берет верх.

– Послушайте, у вас нет ни стола, ни стульев, ни кровати. Не работает свет. Нигде я не вижу хотя бы одной чашки или тарелки. Как вы живёте здесь? Что едите, где спите?

Искося глянув на меня, сосед осматривает свою комнату так, словно видит её впервые.

— А что! — он вдруг вскрикивает так резко, что я вздрагиваю. — Человек не имеет права спать на полу и есть руками!

— Имеет, конечно, имеет, — пытаюсь говорить спокойно, но руки предательски подрагивают.

Зря я спросила. Неужели не понятно, что в таком месте могут жить только те, кто совсем отчаялся или те, у кого проблемы с головой.

— А это носите? — достаю ещё пару тряпок непонятного назначения, чтобы поскорее перевести разговор обратно на сдержанные тона.

Всё тряпье влажное и источает отвратительный запах. Видимо, потому что окна в квартире постоянно открыты настежь.

— И это нет, — говорит сосед уже обычным тоном.

Скомкав, бросаю три серых комка к двери. Присев рядом, сосед тоже начинает выуживать из кучи старое рваньё, некогда служившее одеждой.

За час работы куча у двери вырастает до пояса, а нужные вещи сосед бережно складывает в стопку у одной из стен.

В комнате так холодно, что пальцы быстро перестают слушаться, и я начинаю дрожать.

Поднявшись на ноги, несколько раз подпрыгиваю и растираю руки.

Сосед тем временем пытается засунуть старые тряпки у двери в большой пакет.

— Иди, надень что-нибудь, тебе ещё плитуса чистить, раз уж взялась, — говорит он. — А потом вот это утащи к мусорным бакам.

Это и правда хорошая мысль.

Бросив перебирать кучу, я выскакиваю из ледяной комнаты.

Поднявшись домой, натягиваю тёплый свитер, надеваю перчатки. Потом снова спускаюсь вниз, беру огромный пакет, стоящий у дверей соседа, и тащу его к выходу. Этот хлам намного тяжелее, чем я думала.

Вытащив его на крыльцо, останавливаюсь, чтобы отдышаться.

Ну и погода... Настоящая мерзость.

Эта мысль появляется каждый раз, когда я выхожу на улицу.

Поёжившись, стаскиваю пакет с крыльца и иду к мусорным бакам. Но тут замечаю на бордюре, совсем рядом со мной, что-то небольшое и белое.

Присмотревшись, от неожиданности останавливаюсь посреди двора.

Хлеб.

Булка белого хлеба лежит на боку, в заводской полиэтиленовой упаковке.

Обычный хлеб.

Похоже, что кто-то шёл домой и выронил хлеб из сумки с продуктами.

Голод тут же даёт о себе знать и скручивает желудок.

Глотая слюну, я смотрю на эту красивую белую булку и не могу сдвинуться с места. Я хочу есть. Очень сильно хочу!

Отпустив пакет, делаю шаг в сторону находки и оглядываюсь по сторонам. Ещё шаг и ещё раз оглядываюсь. Никого нет. Хлеб ничей и меня, кажется, никто не видит. Быстро подхожу, поднимаю булку, зажимаю её подмышкой и, схватив пакет, почти бегом тащу его к мусорке у торца дома.

Докатилась. Подбираю еду. Всё, это край, хуже просто не может быть.

Стараясь не выронить хлеб, ногой подталкиваю пакет к бакам.

– Эй! Ты что, мой обед хочешь украсть?

Вздвогнув, оглядываюсь и вижу взявшегося из ниоткуда бомжа, сидящего на бордюре. На вид ему лет сорок пять. Он одет в не по размеру огромную куртку, растянутую вязаную шапку, засаленные брюки и кроссовки.

Медленно затягиваясь сигаретой, бомж пристально смотрит на меня.

– Я... я...

– Положи, где взяла, – резко говорит он и показывает пальцем на бордюр рядом с собой.

– Я думала, он ничей, – бубню под нос, шагая обратно к крыльцу.

Желудок снова сжимается, напоминая о голоде.

– Что ты там шепчешь? – потушив сигарету о землю, бомж наблюдает за мной.

– Ничего, – кладу булку на бордюр и собираюсь уйти.

– Да ладно, чё ты обиделась. Я же не зверь такой, могу и поделиться, у меня много еды. Ворую в супермаркете.

Обернувшись, я встречаюсь взглядом с бомжом. Грубая кожа и отросшая щетина делают его лицо суровым. Но вот глаза... Удивительно ясные и чистые. Кажется, что он видит меня насквозь.

– А ты почему не воруешь? – спрашивает он.

– Не умею, – я пытаюсь понять, почему всё ещё стою здесь и почему вообще отвечаю на его вопрос.

– А что не работаешь тогда?

– Уволили, – говорю, не отводя глаз. Что за странный разговор?..

Немного наклонив голову, он ещё пристальней изучает меня.

– А родители что, совсем не помогают? Ты же вон какая молоденькая.

Теперь я стою молча, а бездомный всё не унимается.

– Значит, нет у тебя родителей, правильно? Ведь нету, да?

Я коротко киваю, соображая, что могло его так заинтересовать во мне.

– А знаешь... – задумчиво говорит он. – Я могу подсказать тебе, где найти прибыльную работу. Есть знакомые, которые

ищут... Э-э-э... Сотрудника.

Ах, вот оно что! Могла бы сразу догадаться. Неблагополучный район, безработица и безденежье здесь не редкость, а как предлагают зарабатывать молодым девушкам, нетрудно догадаться.

Бросаю:

– Спасибо, не надо!

Грустно улыбнувшись, разворачиваюсь и шагаю к подъезду. Такие предложения меня не интересуют.

– Да нет, ты не о том подумала. Не проституткой! Нет!..

Снова останавливаюсь и оглядываюсь.

Да кто он такой и чего хочет?!

– Не выйдет из тебя проститутка, – продолжает бомж, поднявшись на ноги. – Ты вон какая гордая, не согласишься... А работа у меня другая.

Я хочу уйти, но почему-то продолжаю стоять на месте.

– Какая? – любопытство берет верх.

– Хитрая ты... – улыбается бомж. – Сначала скажи: деньги тебе зачем, и много ли надо?

Подхожу немного ближе.

– Мне нужно платить за съёмную квартиру, ещё кормить и одевать себя и сына.

– Ребенок! – радостно вскрикивает бомж.

Я замолкаю, не понимая, что вообще происходит.

– То есть, ты в этом городе одна, родителей у тебя нет, помочь некому, а забот по горло, правильно?

Пару секунд я изучаю яркие сияющие глаза этого странного человека, а затем киваю. Улыбка исчезает с его лица.

Оставив булку лежать на бордюре, бомж подходит ближе и, оглядываясь по сторонам, говорит шепотом:

– Отлично, значит ты как раз то, что им нужно. Пойдём, здесь не далеко. Я тебя провожу.

Что я делаю? Куда он меня ведёт? Какую вообще работу может предложить бомж?!

Я в одном свитере, и вскоре начинаю дрожать от холода.

Пройдя два двора вглубь улицы, мы по тропинке выходим к небольшому зданию, похожему на трансформаторную будку.

Чавкая ботинками по грязи, заставляю себя не бояться и молча следуя за бомжом. Желудок болит от голода всё сильнее, но об этой боли я тоже стараюсь не думать.

Подойдя к будке, бомж открывает железную дверь без опознавательных знаков, и мы входим в узкий безликий коридор.

Приоткрытая дверь на секунду освещает пространство, но бомж быстро закрывает её. Вокруг становится абсолютно темно.

Сдерживать страх всё труднее. Куда он меня привёл?! А что, если он хочет на меня напасть?! Нужно было зайти домой и взять с собой хотя бы перочинный нож...

– Иди за мной, – спокойно говорит бомж, шагая вперед в

непроглядной темноте.

– Куда мы пришли? – выставив руки вперёд на случай препятствия, я осторожно иду на голос.

– Сейчас увидишь.

Кажется, от голода и темноты мне начинают мерещиться запахи. Словно где-то рядом находится кафе или ресторан. Б-р-р...

Помотав головой, стараюсь прийти в себя.

– Осторожно, ступеньки, – говорит он, и я чувствую, как крепкая рука поддерживает меня под локоть.

Преодолев пять ступенек, мы останавливаемся, и бомж несколько раз стучит по металлу. Видимо, прямо перед нами железная дверь.

Затаив дыхание, я жду, что будет дальше.

– Кто?! – рывкает за дверью мужской голос.

– Шнырь! – отвечает бомж.

Дверь тут же открывается.

Впустивший нас оказывается двухметровым верзилой в строгом костюме.

Снова закрыв дверь, он опускается на небольшой стул и скрещивает руки на груди.

Перешагнув порог, я осматриваю ещё один узкий коридор с тусклыми плафонами на потолке и резной деревянной дверью в конце.

Бомж стучит по ней, а я изучаю замысловатые узоры. Здесь плавные линии, резкие углы, цветочные мотивы. Де-

рево толстое, почти необработанное. Кажется, где-то рядом играет музыка...

– Мы освободимся к пяти? Нужно забрать сына из сада, – спрашиваю я.

– Слушай, – тихо говорит Шнырь, немного наклонившись ко мне. – Я тут подумал, если спросят, не говори, что у тебя есть ребенок. Лучше не надо.

Дверь распаивается до того, как я успеваю спросить, почему нельзя говорить о Луке.

Громкая музыка врывается в уши. В нос бьёт сильный запах табака, а перед нами появляется длинноногая, полуголая особа в туфлях на огромных каблуках и с сигарой во рту. Из помещения за её спиной доносятся голоса и смех, но я не могу оторвать взгляд от девицы.

– Шнырь! Здравствуй, дорогой! – она чмокает его в щёку. – А это кто? Такая красивая, небось в наши ряды привел?

На девушке надеты кожаные лосины и полупрозрачный топ. Такой короткий и откровенный, что вся грудь видна сквозь него.

Я стыдливо отвожу глаза.

– Нет, Изабелла, это для другой работы. Посложнее, – отвечает бомж, перекивая музыку.

– О-у! Правда? – взглянув на меня, она меняется в лице. – Я думала, что нужен мужчина...

– Тебе не нужно думать, – строго говорит Шнырь. – Просто проводи нас.

– Ну ладно, пойдём, – хмыкнув, она поворачивается к нам спиной и, виляя бедрами, шагает вперёд. Шнырь взглядом призывает меня следовать за ней.

Уже через пару шагов становится понятно, что помещение расширяется и сколько здесь места, просто невозможно вообразить!

Тусклый свет мягкими волнами разливается от шикарных матовых плафонов на потолке, но он освещает не всё помещение, а только некоторые его части. Вкрадчивая музыка латундж играет на полную.

Оглядываясь по сторонам, вижу небольшие круглые столики и диваны, стоящие друг напротив друга. Солидные мужчины, вальяжно развалившись держат в руках карты, сигары, бокалы. На столах стоят бутылки алкоголя, пепельницы, кальяны... Девицы, вроде встретившей нас Изабеллы, расхаживают туда-сюда, то и дело присаживаясь на колени к мужчинам.

Вглядываясь вглубь помещения и в полумраке вижу такие же диваны, только побольше. На одном из них, угадываются очертания обнаженной пары.

Вздвогнув, отвожу глаза. Что это? Клуб? Казино? Пригон?!

– Да где мы? Куда мы пришли?! – нервно спрашиваю бомжа, но тот подносит палец к губам.

Что за секретность! Я хочу понять, где нахожусь!

Но тут Изабелла останавливается так резко, что я чуть не

врезаюсь в неё.

– Проходите! – громко, перекрикивая музыку, говорит она и открывает перед нами ещё одну дверь.

Шнырь расстегивает куртку и снимает шапку, затем, взяв меня за локоть подталкивает вперед.

Первое что я замечаю, пока он закрывает дверь – это большой стол посередине просторного и мрачного кабинета. Стол, заставленный блюдами с сырной и мясной нарезкой, разными салатами, маленькими бутербродами на длинных деревянных палочках, подносами с диковинными фруктами и разными бутылками.

Мозг отключается, а желудок пронзает боль. Только через несколько секунд, придя в себя, я замечаю мужчину, сидящего в кресле во главе стола и внимательно разглядывающего меня.

Весь кабинет освещён, в отличие от предыдущих мест, но даже свет не делает его уютным. Вокруг стола стоят ещё несколько кресел, вдоль стен расположились элегантные деревянные шкафы, наполненные книгами. На стенах с бордовыми обоями висят картины в золотистых рамках, изображающие полураздетых женщин с оружием в руках, под ногами лежит большой ковёр с высоким ворсом. Музыка здесь практически не слышна. Как и везде, в кабинете нет ни одного окна, но, несмотря на это, очень свежо.

Мужчина за столом выглядит старше, чем мой новый знакомый Шнырь. Его волосы короткие и седые, лицо серьез-

ное и непроницаемое, шея и руки покрыты морщинами, на пальцы надеты огромные золотые перстни, а рукава чёрной атласной рубашки закатаны до локтей.

– Добрый вечер, Борис, – Шнырь здоровается, слегка поклонившись.

Мужчина за столом поджимает губы и не отводит от меня глаз.

Я тоже коротко киваю.

– Шнырь, ты же знаешь, у меня обед, – закинув ногу на ногу, он откидывается на спинку кресла.

– Извините, не рассчитал время, – Шнырь начинает топтаться на месте и тараторить: – Тут просто, вот... Кандидатура, идеальная...

– Ну что ж, раз идеальная, значит, будем знакомиться, – легко улыбнувшись, мужчина жестом приглашает нас присесть в кресла за его стол.

Приближаюсь к столу.

Аромат еды усиливается. Голова начинает кружиться. В глазах темнеет. Голод становится невыносимым.

Усаживаясь, я проглатываю слюну.

– Говори, – приказывает Борис Шнырю.

– Молодая, одинокая. Ни родителей, ни родственников, ни мужа. Раньше жила у тётки, недавно тётка умерла. Денег совсем нет, нечем платить за жильё. Не на что есть. В начале недели уволили из бутика на Красном, несколько дней ищет работу, образования нет. Не берут. Сегодня пыталась устро-

иться уборщицей, но пока не по тем местам ходила, я вовремя перехватил...

Что?!

У меня открывается рот!

Выпучив глаза, поворачиваюсь к бездомному, сидящему в кресле рядом. Он что, следил за мной?! Он следил долгое время?! А сегодня просто поймал момент?!..

– Отлично. Хорошо поработал, – сухо говорит Борис. – Как тебя зовут, красавица?

Снова взглянув на мужчину во главе стола, я читаю в его взгляде новый, ещё непонятный мне интерес.

– Инга, – отвечаю как будто чужим голосом.

– Инга, значит... – подавшись вперед, Борис всматривается в моё лицо. – Холодная, зимняя... – задумчиво говорит он. – Значит, ты почти в отчаянии, верно?

– Хотела хлеб украсть, – скрестив руки на груди, говорит Шнырь.

Брови Бориса поднимаются вверх.

– Украсть?! Хлеб?! – удивленно восклицает он, и тонкие губы изгибаются в улыбке. – Красавица, так ты голодна? Угощайся!

Я нервно сглатываю.

Отказываться нет ни смысла, ни сил. От взгляда на стол, заставленный едой, у меня разбегаются глаза. Прекрасный запах дурманит разум. Беру первое, до чего дотягиваюсь – толстый кусок ветчины из тарелки с нарезкой.

– Налить вина? – улыбаясь, спрашивает Борис.

Я качаю головой.

Зубы вонзаются в сочное мясо с такой силой, словно я не ела полжизни. Желудок начинает урчать так, что, похоже, это слышат все. Солёный вкус растворяется на языке, и я беру ещё один кусок ветчины, не в силах думать ни о чём, кроме еды. Затем пласт сыра, затем фаршированное яйцо, несколько маленьких бутербродов... И только потом нахожу в себе силы остановиться.

Борис, не отводя глаз, наблюдает за мной.

– У тебя непростая жизнь, да? – спрашивает он, когда я проглатываю бутерброд.

– Мне очень нужна работа, – отвечаю, выпрямившись в кресле и немного придя в себя.

– Непростая жизнь – непростая работа... – говорит он загадочно.

– Я готова. Не боюсь трудностей.

– А сколько тебе лет? – спрашивает он, продолжая улыбаться.

– Двадцать пять.

– Ну да... Возраст подходящий. Пора начинать зарабатывать.

Я не отвожу взгляд от Бориса, давая понять, что рассмотрю все предложения, которые он может сделать.

– У меня есть работа, которая подойдет не каждому человеку, – вкрадчиво говорит он, снова откинувшись в кресле. –

Вот взять тебя, Инга. Ведь твоя жизнь не всегда была такой безнадежной. Кто-то, должно быть, сильно постарался, чтобы её испортить... – на несколько секунд Борис замолкает, постукивая пальцами по столу и давая возможность воспоминаниям уколоть моё сердце, затем продолжает: – Есть люди не очень хорошие, и есть очень плохие люди. Первые – просто не умеют договариваться, а вторые – мешают другим вести дела и портят чужие жизни.

По моей спине пробегает холод.

– Такие люди лишние, от них нет никакой пользы, – глядя мне в глаза, Борис понимает, что я начинаю улавливать смысл и, одобрительно кивает. – Мне нужен человек – союзник, который будет помогать избавляться от лишних людей...

Что?! Лишних людей?.. Избавляться?..

Кажется, я забываю, как дышать.

– Это работа, которая не отнимает много сил и может легко принести кучу денег. И если мы будем сотрудничать, твоя жизнь изменится, а проблемы исчезнут. Ты будешь есть только самую лучшую еду, одеваться в брендовые вещи, жить в домах, во дворах которых не бомжи, а охрана, камеры и бассейны...

Поднявшись из кресла, Борис неторопливо подходит к одному из шкафов, выдвигает ящик и достаёт пачку купюр. Вернувшись за стол, он отодвигает стоящее в центре блюдо в сторону и начинает быстрыми движениями отсчитывать ку-

пюры, складывая их на стол. Одна, две, три, четыре, пять тысяч...

Наблюдая за его движения, я пытаюсь сосчитать и не сбиться. Десять, пятнадцать, тридцать...

Мысль, что этого уже больше, чем достаточно для решения моих проблем, проносится в голове, но мужчина не останавливается. Сорок пять, пятьдесят, семьдесят, сто...

Я сбиваюсь со счета и поднимаю глаза на Бориса.

Отсчитав ещё несколько купюр, он останавливается, затем берёт получившуюся стопку, делит её примерно пополам и одну часть кладёт передо мной.

– Предлагаю тебе взять половину суммы, которую я собираюсь заплатить за заказ, и подумать до завтра. Если ты согласишься, то вернёшься завтра, и я буду рад. А если нет, вернешь эту сумму и забудешь о нашем знакомстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.